

МОСТ ДВУХ БЕРЕГОВ И ОДНОГО ТЕЧЕНИЯ

*- Память согревает человека изнутри и в то же время рвет его на части.
(Х.Мураками)*

Осенние листья кружили над деревушкой, находившейся на берегу реки. Волны медленно покачивались, плавно прощаясь с уходившим летом.

Пыльный чердак. Редкие золотистые лучи попадают через трещины, оставленные нещадным временем. Много старых вещей: коробки, сломанные игрушки, газеты и ящики. Был даже сломанный рояль, клавиши которого легко звенели от прикосновения ветра. Узорчатые фасады из паутины украшали внутреннее убранство комнаты предков. Маленький рыжий мальчик взбирался по лестнице, пыхтя от натуги. Ему было от силы лет девять. Маленький и такой смелый! Пробираясь среди коробок, малыш споткнулся и кубарем покатился в угол. Потирая ушибленную спину, он что-то нащупал.

Ладонь ощутила поверхность, которая отдавала холодом и сталью. Обернувшись, мальчик с любопытством рассмотрел находку. Этот сундучок был оставлен тут много лет назад. Внутри него, покрытое желтоватым пергаментом, хранилось нечто дорогое и памятное. Мальчик, глаза которого уже привыкли ко тьме чердака, полностью погрузился в иной мир:

«Милая Елена! Пишу тебе с опорного пункта. Доехал я хорошо, определили меня в 8-ю кавалерийскую дивизию, в 138-ой полк. Полковник наш, Василий Анатольевич, человек сурьезный, полный решимости, но так же не обделенный чувством юмора. Он говорит, что если и умрем, то хотя бы перед этим хорошо выпьем.

Хотелось бы узнать, как у тебя дела и здоровье? Я очень скучаю, но письма пишу второпях – понимаешь же, служба! Так, что надеюсь, получу ответ скоро...

С лучшими пожеланьями, твой Андрей».

Из глаз мальчика брызнули слезы. Он вспомнил истории мамы о бабушке, когда они вместе смотрели фотоальбом. Он вспомнил то молодое бритое лицо, взгляд со страстным азартом смотрящий вперед и искреннюю улыбку. Дед отправлялся на фронт.

Погрузившись в воспоминания и вытирая кончиком пледа влажные глаза, он и не заметил, как в его руках оказался другой треугольный конверт. Тот выглядел опрятнее, но при этом был пропитан чем-то непонятным, чем-то тревожным:

«Леночка, извини, что не писал тебе больше года...или даже больше. Думаю, ты понимаешь, что ситуация ухудшается. Мы все чаще начали встречать заброшенные деревни. Недавно натолкнулись мы на вражеских дезертиров. Так один из этих фашистских собак, ударил ножом меня в бедро. Только ты не волнуйся, рана не рана, - царапина! Так что жить буду. К тому же шрамы украшают мужчину, правда? В кармане своей шинели я храню твое первое письмо – во время боя оно поднимает мне дух. Так что ты мой ангел хранитель, понимаешь?

С жаркими поцелуями, твой Андрей»

Мальчик улыбнулся. Его широкая улыбка сверкнула в лучах уходящего солнца, а глаза, до сих пор наполненные слезами, продолжали снова и снова перечитывать письмо. Затем он так же осторожно отложил его, так как конверт был надорван, будто бы человек, получивший его, не выдержал и жадно захватил строчки, которые скрывала эта бумага.

Следующий конверт с датой «15.08.43», был аккуратно вскрыт по прорезанным прошлым швам:

«Дорогая Елена! Мое бедро подживает, но врачи почему-то обеспокоены. Десять дней назад земля нашей Родины окрасилась кровью и врагов, и, к сожалению, наших. Мы понесли серьезные потери, и полковник желает соединить наш полк с 11-ым кавалерийским, который, как трусливый зверь, отошел за фланги. В наших рядах появилось недовольство, да и я сам не сильно желаю воссоединиться с трусами. В честь победы сегодня у нас был пир...но настроение в полку упало. Все очень злые и в тоже время всем страшно. И мне. Мне очень страшно, что я умру зря. Мне страшно, что мы не сможем отвоевать Россию. Но я докажу тебе, что Россия – наша страна и никто не посмеет на нее зариться.

С воинственным стремлением, Андрей»

Письмо было написано дрожащим, немного неровным почерком, будто каждая строка была пропитана своими какими-то мыслями и чувствами.

Откладывая его в стопочку прочитанных, мальчик дрожащими руками взял следующее письмо. Это послание испугало – почти полконверта было забрызгано бурыми пятнами. Буквы плясали, а почерк стал острым и каким-то неестественно точным. Задержав дыхание, мальчик развернул желтую бумагу и воззрился на почерневший от пороха и пыли листок.

«Лена, как же я скучаю по тебе! Я перенес ужас, который я не могу передать словами. Как же это ужасно, дорогая Лена! Я видел детей, которые голодали, которые болели и умирали на моих глазах. Я видел, как дома пожирал огонь, который равнял всех – врагов, друзей, детей и стариков. После увиденного там, я больше не могу уснуть. Я должен тебе рассказать о пережитом, иначе я просто сойду с ума....

Мы подступили со стороны озера. Наш полк проводил разведоперацию, потому мы действовали бесшумно, словно коршун, который должен был приготовиться для удара, ...но нас провели. Провели, как детей! Враг появился с севера и застал нас врасплох. Пришлось действовать не раздумывая, мы врезались клином в самую глубь врага и подали сигнал к атаке. Вся наша дивизия пошла под командованием Василия, который остался один управлять нашими войсками...

Я помню немецкий танк, который приближался к нам из-за холма. Помню бегущего простреленного пулей парня, который подорвал его. Взрыв яркой вспышкой осветил поле начатого боя. Мы неслись, мы били, мы умирали. Но вера не оставляла нас и лишь разгоралась с новой силой.

Скоро наша дивизия стала небольшой группой стрелков, а враг все не отступал. Напротив, он лишь набирал обороты – появились новые машины и подкрепление в составе нескольких корпусов.

Надежды выжить не оставалось. Я думал о тебе, о нашем сыне, о нашем Воронеже, о деревне, о Жуке, о Буяне. И знаешь – мне не было страшно.. Я хотел умереть и точно знать, что за мою жизнь они заплатились своими.

Потому лишь скажу, дорогая Лена, что несмотря на бедро, которое покрылось коростами и гноем, несмотря на простреленное плечо, и на то, что большая часть 8-й дивизии была уничтожена, ...несмотря на весь ужас и страх, который мы пережили...мы смогли. Мы отвоевали Ленинград!

Помнится, я выносил из огромного столба дыма и пламени ребенка. Это был маленький мальчик, и он смотрел на меня заплаканными, покрасневшими глазами, взывающими о помощи. Он кричал...кричал так жутко, что я боялся остановиться, чтобы чудовище сзади не схватило меня и не уволокло в бездну огня.

«Мама! Папа! Сестренка!» - кричал он, а я бежал... Бежал и наконец-то вышел на свет. Маленький мальчик был столь худым, что не мог удержаться на ногах. После этого, он, конечно же, отправился в госпиталь, но я до сих пор слышу тот крик души, который объединял этого мальчика со мной...со всем народом.

Ленинград был взят. С колен поднялась наша Родина, которая, взявшись за клинок, направила его в самое сердце врага...»

Край письма так же был запятнан бурыми пятнами, а в некоторых местах были следы слез. Видимо, кто-то плакал над этим кусочком бумаги, и кто-то проливал кровь, описывая эти строки.

Мальчик сам сейчас тихо стонал, капали холодные слезы, которые, стекая со щек, падали на листы. Он понимал. Понимал ужас, который испытывал человек. Понимал, каким должен быть дух и какой должна быть вера в счастье, чтобы не сойти с ума.

Дрожащими руками, тихо всхлипывая, он отложил письмо, и, зажав голову руками, пытался придумать, а как бы поступил он? Смог бы он выдержать все то, о чем говорилось в этих письмах? Смог бы он выжить, несмотря на то что его товарищи

умирали? Умирали на его глазах... Смог бы он идти вперед, осознавая то, что неизбежно погибнет? Он не знал ответа на этот вопрос....

Последнее письмо одиноко лежало на темном, пыльном дереве. Белый треугольник под призрачным светом Луны казался бестелесным, а строки, которые были выведены на этот раз карандашом, были едва различимы.

Сидя под теплым пледом, задыхаясь от слез и пыли, мальчик начал читать, еле шевеля губами и хватая каждое слово, будто бы новый глоток воздуха:

«Елена! Это я, Андрей, если ты меня, конечно не забыла. Я не писал тебе год, потому что меня мотало по России, по госпиталям. Увы, но я пренебрег жизнью. Та рана на бедре давно воспалилась, и началось заражение. Я чувствую, что я не доживу до конца войны. Со дня на день мы идем на Берлин. Мы идем в логово этих собак, которые убили столько русских людей. Я иду туда отомстить за всех, кто погиб. Отомстить за кровь, за плоть. За счастье и благополучие нашей страны. Я иду туда, дабы умереть смертью, который достоин. Я иду туда ради тебя, Лена. Иду ради тебя, ради того, чтобы ты смогла жить. Смогла воспитать нашего ребенка и ради того, чтобы он тоже смог жить. Я иду туда ради того, чтобы остальные смогли жить. Я отдам свою жизнь за жизнь других...»

Письмо резко обрывалось, а длинная черная полоса разделяла лист на две половинки. На второй, маленькими цифрами выделялось « 14.04.44». Буквы снова начали плясать – либо от болезненной судороги, либо от слез, которые застилали глаза мальчика:

«Сегодня мне поставили окончательный диагноз. Мне остался месяц. Я не мог тебе сообщить раньше, потому что не мог решиться. Не мог решиться сказать тебе, что все кончено. Что моя жизнь найдет свой конец тут. И знаешь, меня это не беспокоит. Я готов. Готов принять судьбу, при этом потащу за собой в ад всю фашистскую Германию. Я готов возложить на себя всю ответственность.

Но перед тем, как запаковать и отправить это письмо, я бы просто хотел сказать тебе: Учи нашего сына любить прошлое. Учи его уважению к тем, кто жил раньше его: во все эпохи, во все времена. Кто жил ради России, ради Родины. Учи его любви к бойцам. Пусть он посещает музеи и пусть он будет счастлив. Его счастье стоило мне жизни. Стоило жизни многих тысяч людей. И теперь, он обязан пользоваться им.

Я очень тебя люблю, Лена. Люблю тебя больше жизни, что могу доказать. Прощай! Надеюсь, ты исполнишь мое желание, мой ангел-хранитель!»

Письмо выпало из рук мальчика. Оно осенним листком покачнулось и отлетело в сторону. Слезы брызнули во все стороны, а мальчуган закрывал рукой рот, чтобы его плач не был слышен внизу...

ЭПИЛОГ

Свой рассказ учитель закончил, захлопнув книгу. На ее обложке черными буквами была выведена цитата, которую маленький рыжий мальчик, сидящий на чердаке и перечитывающий письма неизвестного солдата, так любил повторять:

«Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно, не уважать оной есть постыдное малодушие...»